

Научная статья

УДК 94(09)(=19/=99)

DOI 10.25205/1818-7935-2024-22-4-5-20

Лексико-семантический анализ географической лексики и топонимии чувашей села Смолькино Сызранского района Самарской области

Николай Валерьевич Беленов

Самарский государственный социально-педагогический университет
Самара, Россия

belenov82@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-4415-5966>

Аннотация

Целью настоящей статьи является введение в научный оборот и анализ географической лексики и топонимии, бытующих в среде чувашского населения села Смолькино Сызранского района Самарской области. Топонимия и географическая лексика смолькинского говора чувашского языка до настоящего времени не подвергались комплексному изучению, между тем они представляют значительный интерес в связи с языковыми особенностями чувашей села Смолькино. В статье ставилась задача провести лексико-семантический анализ бытующих в смолькинском говоре топонимии и географической лексики с целью выявления их характеристических особенностей.

Материалами для данной работы послужили сведения, полученные автором статьи в течение полевого сезона 2021 г. от местных жителей и краеведов. При сборе данных применялись методы прямого опроса и направленной беседы. Для сравнительно-сопоставительного анализа исследуемых топонимных единиц в работе привлекаются соответствующие материалы автора, собранные в других чувашских селах Самарского Поволжья на протяжении 2015–2021 гг., а также материалы по элементам топонимной лексики смолькинского говора и географическим названиям, содержащимся в трудах других исследователей. Этимологический анализ топонимов проводился с учетом характеристик смолькинского говора, историко-культурных особенностей его носителей, с привлечением параллелей с других территорий расселения носителей чувашского языка.

В результате исследования были выявлены основные элементы географической топонимной лексики смолькинского говора чувашского языка, их формы бытования и семантика. Особое внимание уделялось нехарактерным для чувашских говоров региона лексемам данного кластера: *адыл* – болото, заливное озеро; *кран* – просека; *терес* – колодец.

Большинство представленных в статье топонимов этимологизируется из чувашского и русского языков, субстратный слой представлен татарскими географическими названиями, для чего имеется историческое обоснование. Кроме того, присутствует небольшой эрзянский пласт, наличие которого объясняется близким соседством смолькинских чувашей с эрзя-мордовским населением сел Алёшкино и Ерёмкино.

Ключевые слова

топонимика, географическая лексика, чуваша, чувашский язык, лексико-семантический анализ, этимология, Смолькино

Для цитирования

Беленов Н. В. Лексико-семантический анализ географической лексики и топонимии чувашей села Смолькино Сызранского района Самарской области // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 22, № 4. С. 5–20. DOI 10.25205/1818-7935-2024-22-4-5-20

© Беленов Н. В., 2024

Lexico-semantic Analysis of Geographical Terminology and Toponymy of the Chuvash of Smolkino Village, Syzran district, Samara region

Nikolay V. Belenov

Samara State University of Social Sciences and Education
Samara, Russian Federation

belenov82@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4415-5966>

Abstract

The purpose of this article is an introduction to scientific circulation and analysis of geographical vocabulary and toponymy persisting among the Chuvash population of the village of Smolkino in the Syzran district of the Samara region. The toponymy and geographical lexicon of the Smolkino dialect of the Chuvash language have not been subject of comprehensive study until now, yet they are of considerable interest due to the linguistic specificity of the Chuvash village of Smolkino. To carry out a lexico-semantic analysis of toponymy and geographical lexicon operating in the Smolkino dialect in order to identify their characteristic features. The materials for this paper were the data received by the author from local residents and historians during the 2021 field work. A comparative analysis of the studied toponymic units is based on the materials collected in other Chuvash villages of the Samara Volga region during 2015–2021, as well as on the elements of the toponymic lexicon of the Smolkinsky dialect and place-names in the works by other researchers. An etymological analysis of toponyms was carried out taking into account the characteristics of the Smolkinsky dialect and its speakers, with regard to parallels from other Chuvash language native speakers' territories of settlement. As a result of the study, the main elements of the geographical toponymic lexicon of the Smolkinsky dialect of the Chuvash language, their forms of existence and semantics have been identified. Special attention was given to the lexemes uncharacteristic for the Chuvash dialects of the region: *adyl* – 'swamp, spring spill lake'; *kran* – 'cut-through road in the forest'; *teres* – 'well'. Most of the toponyms presented in the article originate from the Chuvash and Russian languages, the substrate layer is represented by Tatar language geographical names, for which there is a historical justification. In addition, there is a small Erzya language layer, the presence of which is explained by the close proximity of the Smolkin Chuvash with the Erzya-Mordovian population of the villages of Aleshkino and Yeremkino.

Keywords

toponymy, geographical lexicon, Chuvash, Chuvash language, lexical and semantic analysis, etymology, Smolkino

For citation

Belenov N. V. Lexico-semantic Analysis of Geographical Terminology and Toponymy of the Chuvash of Smolkino Village, Syzran district, Samara region. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2024, vol. 22, no. 4, pp. 5–20. DOI 10.25205/1818-7935-2024-22-4-5-20

Введение

Чувашское село Смолькино по ряду историко-географических характеристик стоит особняком среди других сел Самарской области с преобладающим чувашским населением. С одной стороны, исследователями отмечается заметная для него культурная связь с чувашскими селами так называемой Большой Самарской Луки [Ягафова, 2003], с другой – чуваша Смолькино по многим параметрам (и исторически, и особенностями говора) отличаются от самаролукских. Кроме того, уникальные для региона природные условия и особенности окружающего ландшафта окрестностей села оказали значительное влияние на традиционное мировоззрение смолькинских чувашей. В этой связи необходимо отметить, что фактор влияния природно-географических условий проживания носителей говора на бытующую в нем географическую лексику и топонимию неоднократно отмечался различными исследователями [Беленов, 2021a], сыграл свою роль он и в данном случае.

Историю исследований чувашской топонимии с соответствующей библиографией мы приводим в одной из своих недавних статей [Беленов, 2021b], здесь же остановимся, в основном, на тех работах, в которых затрагиваются различные аспекты истории и языка чувашей села Смолькино.

История смолькинских чувашей, их традиции и язык не становились темой специального исследования, хотя имеются многочисленные упоминания о Смолькино в ряде краеведческих изданий – главным образом в связи с уникальным для Самарской области ландшафтом окрестностей села [Журлова, 2004; Криволицкая, 1987].

Некоторые архивные сведения по Смолькино приводятся в «Чувашской энциклопедии» [Исаев, 2006], информацию по истории Смолькино и выселкам из него можно найти в работе В. С. Симакова «Энциклопедия чувашских сел Самарской области» [Симаков, 2008].

Отдельные лексемы, географические названия и антропонимы из говора смолькинских чувашей вошли в состав фундаментальной работы Н. И. Ашмарина [Ашмарин, 1928–1950], где они приводятся с пометкой «Смольк».

Для сравнительно-сопоставительного анализа смолькинского говора с другими, ареально близкими, говорами чувашского языка важнейшими являются работы А. П. Долговой по говорам чувашей Самарской Луки [Долгова, 2003], с которыми у смолькинских чувашей исследователями отмечается культурная близость [Ягафова, 2003], а также симбирско-саратовских чувашей.

Последняя работа представляет значительный интерес для нашего исследования. Коллективная монография «Симбирско-саратовские чувашаи» составлена по материалам экспедиций авторов 2000 г. в чувашские села Саратовской и Ульяновской областей, также в работе обобщены материалы более ранних исследований чувашских сел данного региона [Долгова, 2004]. В монографии приводится ряд ценных сведений не только по говорам симбирско-саратовских чувашей, но и по ареально близким к ним говорам Волжского Правобережья Самарской области, в том числе по смолькинскому. Помимо этого, в одном из приложений к данной работе приводится список географических названий, бытующих в соответствующих чувашских говорах, где содержатся ценнейшие сведения по топонимам, записанным участниками комплексной экспедиции 1969 г. от носителей смолькинского говора чувашского языка. Эти материалы также привлекаются нами ниже при этимологизации соответствующих названий.

Первые упоминания о Смолькино относятся к 1733 г., когда оно уже обозначено как существующее, при этом официальных сведений о точной дате основания села нет.

Авторитетный историк, фольклорист В. Д. Дмитриев, прослеживая на материалах чувашских исторических преданий основные этапы их расселения в Поволжье и Приуралье, полагает, что Смолькино было основано служилыми чувашами одновременно с такими населенными пунктами, как Шняево (Базарно-Карабулакский район Саратовской области), Каменный Ключ (Павловский район Ульяновской области), Илим-гора, Бикмурзино (Неверский район Пензенской области) [Дмитриев, 1993. С. 231] при сооружении Пензенско-Сызранской укрепленной линии, т. е. в 70–80-х гг. XVII в. Косвенно на общность происхождения перечисленных населенных пунктов может указывать ряд общих черт, отмечаемых исследователями в соответствующих говорах [Долгова, 2004].

При этом известно, что до прихода чувашей на данной территории проживали татары, часть которых затем влилась в состав смолькинских чувашей и впоследствии полностью перешла на чувашский язык. Об этом свидетельствуют как местные предания, так и официальные документы [Ягафова, 1998]. В среде старожилов до сих пор указывают носителей фамилий – потомков тех самых татар: Бейбулатовы (в архивных документах встречается форма Пейбулатовы), Ибряевы, Коноваловы [ПМА 2021: инф. 4].

Согласно местным историческим преданиям, в большинстве своем татары ушли отсюда после эпидемии какой-то страшной болезни: чумы или холеры. На памяти наших информантов из числа смолькинских чувашей, примерно в 70-х гг. XX в., при колхозном строительстве в урочище с названием Поп сярня были раскопаны остатки татарского кладбища с каменными надгробиями.

Название «Смолькино» происходит из русского языка, чувашаи изначально называли свое поселение Усинские Вершины (Озза бузя – Асапус). Е. А. Ягафовой приводятся сведения еще

об одном историческом названии села – Сопегино, по фамилии одного из старожилов села XVIII в. М. Сопегина.

Необходимо упомянуть еще одну легенду о происхождении села Смолькино. Согласно ей, некогда три брата-чуваши Падирек, Маляк и Симуляк переселились с севера на юг в поисках мест для поселения. Симуляк был охотником, поэтому решил поселиться в отдалении от своих братьев – в верховьях реки Усы. Падирек и Маляк же поселились рядом, в нижнем течении реки. От этих трех братьев и ведут свое происхождение чувашские села Смолькино, Байдеряково и Малячкино [Симаков, 2008. С. 285]. Несмотря на то что приведенная легенда является народным вымыслом в хорошо известном жанре основания близлежащих селений родными братьями, в ней нашли отражение в действительности близкие связи смолькинских чувашей с чувашами Малячкино и Байдеряково.

Жители Смолькино занимались в основном добычей смолы-живицы, о чем до сих пор свидетельствуют характерные насечки на старых соснах, произрастающих в окружающих село горах, а также охотой.

Чуваши села Смолькино проживают в относительной изоляции от носителей других чувашских говоров, хотя общение с чувашским населением так называемой Большой Самарской Луки полностью никогда не прекращалось. Е. А. Ягафовой отмечается, что в традиционной культуре смолькинских чувашей обнаруживаются признаки, характерные для чувашей Самарской Луки. Таким образом, пользуясь терминологией Л. П. Сергеева, смолькинский говор можно назвать «островным» [Сергеев, 1969]. Под «островными говорами» чувашского языка будем понимать диалектные зоны, отличающиеся от говоров того же диалекта наличием специфических признаков, которые развивались в них автономно длительное время в окружении иноязычного массива. С XVIII в. и по сей день ближайшими соседями смолькинских чувашей являются эрзяне, проживающие в селах Алёшкино и Ерёмкино. Взаимоотношения с ними, во всем своем многообразии, также нашли отражение в местной топонимии.

Село расположено в верховьях реки Усы, окружающая местность богата родниками и болотами. Само село находится в долине, через него, деля примерно на две равные части, протекает река Каргалка – приток Усы. Большинство окружающих Смолькино возвышенностей покрыто сосновым лесом, который местами перемежается с лиственным. На болотах среди деревьев преобладают березы.

Среди наиболее характерных особенностей окружающего село Смолькино ландшафта, несомненно, следует отметить скальные обнажения песчаника. Под действием воды и ветра ряд скал принял весьма причудливые зооморфные и антропоморфные очертания, что послужило развитию у чувашей Смолькино специфического религиозного культа. Некоторые из скал при этом были персонифицированы и получили свои наименования.

Смолькинский говор по большинству характеристик относится к низовому, укающему диалекту чувашского языка. А. П. Долгова отмечает в нем общие черты с елаурским, шняевским и неверкинским говорами [Долгова, 2004. С. 51–52]. В сравнении с чувашскими говорами Самарской Луки, которые сочетают в себе черты низового и средненизового диалектов, с небольшим включением элементов, характерных для верхового диалекта, смолькинский говор имеет ряд существенных отличий.

Прежде всего, в нем отсутствуют черты, объединяющие самаролукские говоры с верховым диалектом чувашского языка: чередование, в соответствии с законом сингармонизма, вариантов аффиксов множественного числа *сам* и *сем* – в смолькинском говоре имеется только аффикс *сем*, а также некоторые, характерные только для верхового диалекта, лексемы, фиксирующиеся в чувашских говорах Самарской Луки.

При этом надо отметить, что лексический состав смолькинского говора также достаточно своеобразен. Среди нестандартных лексических единиц данного говора, кроме географических терминов, которые мы будем подробно рассматривать ниже, можно упомянуть следующие: *валак* [va'lak] – ‘корыто’ (литературно-письменное *валашка*), *херень* [h'e'r'en'] – ‘ива’

(хăва, çÿçe), *арзамасия* [arza'mas'is'a] – ‘радуга’ (*асамат кёперё*), *хыра* [hy'ra] – ‘сосна’ (*хыр*). Относительно последнего примера отметим, что в самаролукских говорах для ряда лексем в конце слов также характерен открытый слог – но там он, в отличие от смолькинского говора, безударный [Долгова, 2003].

Также для смолькинского говора характерна нерегулярная замена [ч] на [т], чаще всего замене подвергается инициальный согласный: *тяуле* [t'äu'l'e] – ‘камень’ (литературно-письменное: *чулё*), но при этом *чул* [çul] – ‘камень’, *тюреде* [t'ur'e'de] – ‘окно’ (*чÿрече*).

Щелевой согласный чувашского языка, обозначаемый литерой [ç], произносится носителями смолькинского говора как мягкое русское [с]: *сягар* [s'a'gar] – ‘хлеб’ (литературно-письменное *çăкăр*), *сирма* [s'ir'ma] – ‘река’ (*çырма*), *сяул* [s'äul] – ‘дорога’ (*çул*), *сяга* [s'a'gaʔ] – ‘липа’ (*çăка*), *сяумар* [s'äu'mar] – ‘дождь’ (*çумăр*).

Гласный [у] после мягкого согласного часто (нерегулярно) переходит в дифтонг [äu]: *сяул* [s'äul] – ‘дорога’; *сяумар* [s'äu'mar] – ‘дождь’; *тяуле* [t'äu'l'e] – ‘камень’. При этом следует отметить, что в целом для чувашского языка дифтонги нехарактерны, однако, вместе с тем, они достоверно фиксируются в ряде чувашских говоров. Так, Л. С. Левитская отмечает наличие дифтонгов в сундырских говорах чувашского языка, которые обусловлены там выпадением промежуточного согласного звука [Левитская, 2014. С. 19, 136, 138]. В смолькинском говоре происхождение дифтонгов иное, по-видимому, можно говорить о двух различных версиях: сохранение в смолькинском говоре архаичного вокализма, характерного для более ранних этапов развития чувашского языка (на основе языка болгарских эпитафий можно предполагать, что в болгарском дифтонги присутствовали, но здесь надо делать поправку на возможное искажение при передаче фонем болгарского языка арабским письмом; имеются дифтонги и в тексте «Именника болгарских ханов», однако там они встречаются как в составе тюркских, так и славянских лексем [Мудрак, 2005. С. 89–90]. Л. С. Левитская полагает, что дифтонги существовали, если такие формы, как *тăвар* – ‘соль’, *кăвар* – ‘горящие угли’, *кăвак* – ‘синий’ возводить к прототипам с дифтонгами *uj/öj* [Левитская, 2014. С. 138]. Также нельзя исключать влияние на рассматриваемый говор других тюркских языков, например татарского, в котором наличествуют дифтонги, близкие для указанного нами смолькинского говора [Мудрак, Хисамитдинова, 2017. С. 44]. Вторая версия представляется более обоснованной, поскольку часть жителей Смолькино, по их собственным утверждениям, является потомками ассимилированных чувашами татар.

В этой же связи особо надо отметить мнение Л. П. Сергеева, который считает дифтонги в ряде северо-западных говоров чувашского языка явлением новым, начало которого можно отнести к первой половине XVIII в. [Сергеев, 2007. С. 36].

Чувашский аффикс принадлежности третьего лица [ё] часто передается в смолькинском говоре гласным [ä], причем в ряде случаев именно этот гласный является ударным. Подобная особенность отмечается исследователями также в некоторых говорах чувашского языка на территории Чувашии, например в сундырском говоре, который относится к верховому диалекту [Сергеев, 2007. С. 29].

Географическая лексика смолькинского говора чувашского языка и топонимия села Смолькино

В географической лексике исследуемого говора встречаются как общераспространенные для чувашских говоров термины, так и специфические, уникальные для данного говора лексемы. Кроме того, ряд чувашских географических терминов имеет в смолькинском говоре иную семантику, нежели в чувашском литературно-письменном языке и большинстве других чувашских говоров региона.

К распространенным в других говорах терминам, которые в схожем значении бытуют и в смолькинском говоре, относятся следующие.

Var [var] – ‘овраг’: данный географический термин встречается в говорах чувашей Самарского Поволжья достаточно часто, но в то же время его нельзя назвать общераспространенным – так, у аверкинских чувашей он отсутствует [ПМА 2021: инф. 2].

Sărt [sərt] – ‘гора, возвышенность’: в большинстве чувашских говоров Самарского Поволжья именно термин *sărt* бытует в значении ‘гора’, лексема *ту* в том же значении ‘гора’ в них либо неизвестна совсем, либо, изредка используясь в разговорной речи, в составе географических названий не встречается.

Лексема *сырма* [s'ir'ma], применяемая в смолькинском говоре по отношению к рекам, как правило, присутствует в данном значении в географической терминологии других чувашских говоров региона, при этом лишь в некоторых из них она имеет дополнительное значение – ‘овраг’.

Лексема *пёве* [p'e'v'e] в значении ‘пруд’ встречается во всех говорах чувашей региона, не является в этом смысле исключением и смолькинский говор, однако здесь данный термин применяется также и к озерам. Вместе с тем озера небольшого размера в смолькинском говоре обозначаются лексемой *кюля* [k'u'l'ä] (здесь несомненно связь с литературно-письменным *күлĕ* в значении ‘озеро’). Надо отметить, что данная лексема в большинстве чувашских говоров Самарского Поволжья в настоящее время отсутствует, либо сохраняется в уменьшительной форме *күлленчĕк* [k'ul'en'ček] – ‘лужа’, а также в топонимии. Поле обозначается в исследуемом говоре термином *хир* [h'ir'], что также идентично большинству чувашских говоров региона, при этом имеется несколько специальных терминов для обозначения полей и небольших участков земли, встречающихся в основном в составе топонимов. То же можно сказать и о лексеме *вэрман* [vər'man] – ‘лес’. Ключ, родник обозначается в смолькинском говоре распространенной в чувашской географической терминологии лексемой *çăл* [s'o'l].

Одним из наиболее интересных местных географических терминов является лексема *терес* [t'ət'es] для обозначения колодцев. Ее происхождение можно объяснить влиянием татарского языка, где *тирәс* – ‘круг’ (возможно, круглое отверстие колодца?). Также обращают на себя внимание такие древнетюркские лексемы с данной основой, как: *terñäk* – ‘родник’, ‘ручей’; *terñük* – ‘родник’, ‘источник’, ‘ручей’ [Древнетюркский словарь, 1969. С. 555].

Также следует отметить термин *адыл* [a'dyl], который в смолькинском говоре чувашского языка имеет следующий спектр значений: ‘болото’, ‘озеро’, ‘заливное озеро’. В связи с этим уместно отметить, что в большинстве чувашских говоров лексема *Атӑл* – имя собственное, название Волги. По-видимому, указанный семантический переход произошел в смолькинском говоре совсем недавно, поскольку известно записанное в Смолькино же название Самарской Луки – *Атӑл кукри*, т. е. изгиб, излучина Волги. Так, у Н. И. Ашмарина указано: «Атӑл кукри – Самарская Лука (Смольк.)» [Ашмарин, 1934, VI. С. 262]. В пользу недавнего перехода имени собственного в географический термин, означающий болота и заливные озера также свидетельствует тот факт, что в топонимической номенклатуре смолькинского говора названия болот всегда имеют в своем составе элемент *шур* и никогда – *адыл*.

Наконец, привлекает внимание географический термин *кран*, который в смолькинском говоре имеет значение ‘просека’, ‘дорога в лесу’. Нам известна лишь одна параллель для него в других чувашских говорах: *кран* – ‘межа между полями двух деревень’ [Ашмарин, 1934, VII. С. 328]. В этом случае представляется вероятным заимствование из русского языка (лексема *грань*), что отвечает семантике термина. Переход звонкого [г] в [к] в чувашском языке закономерен, поскольку в собственно чувашских словах инициальный [г] отсутствует. В смолькинском же говоре мы, по-видимому, имеем то же заимствование, однако происхождение его здесь иное. Леса в окрестностях Смолькино делятся на кварталы, а дороги-просеки проходят по границам между ними, что и послужило основанием для соответствующего заимствования.

Переходим к рассмотрению топонимии села Смолькино и его окрестностей.

Алямай сэрдя [Al'ä'maj sə'd'ä] – Высокая гора, располагается от Смолькино в сторону поселка Гремячий, территориально относится к Ульяновской области. Со слов информантов,

«Алямай – думаем, что название татарское» [ПМА 2021: инф. 4]. Отметим, что нельзя в данном случае исключать и эрзянское происхождение основы названия, поскольку лексема *алья* – ‘мужчина, муж’ часто лежит в основе мордовских антропонимов (а также адаптированных в мордовской среде русских антропонимов, например, Аля – Алексей), что в ряде случаев приводит к их закреплению в названиях географических объектов [ПМА 2021: инф. 1]. Форманты *ма* и *й* в таком случае могут являться общемордовскими аффиксами (общности и звательного падежа соответственно) [Цыганкин, 1978]. Данная гора располагается в окрестностях ныне исчезнувшего села Оклино, основанного выходцами из алёшкинско-ерёмкинских эрзян, что также повышает вероятность эрзянского происхождения ее названия.

Анат кас [Anat'kas] – название одной из частей села Смолькино. В переводе наших информантов – Нижняя сторона. Подобное название является одним из наиболее часто встречающихся элементов топонимии чувашских населенных пунктов, происходит оно от лексем: *анат* – ‘нижняя часть’, ‘низовье’ и *кас* (вариация *касă*) – ‘улица’, ‘выселок’. Топоним фиксировался в 1969 г. [Долгова, 2004].

Асла шур [ʔAsla šur] – название одного из болот, расположенных к юго-западу от Смолькино, отличающегося от других, весьма многочисленных в окрестностях села подобных объектов, своей площадью, из-за чего и получило свое наименование. В составе топонима выделяются чувашские лексемы: *асла* – ‘большой’, ‘обширный’ и *шур* – ‘болото’.

Бабай чуле [Ba'bij t'äu'l'e] – название одного из камней в окрестностях Смолькино, который установлен вертикально на безлесном склоне возвышенности к северо-востоку от села. В отличие от других персонифицированных у смолькинских чувашей камней, Бабай чуле имеет рукотворное происхождение и представляет собой могильный памятник, вероятно, оставленный жившими на данной территории до чувашей татарами. Согласно местным преданиям, камнем отмечена могила татарина, помогавшего разбойникам, вследствие чего жители села отказались хоронить его на общем кладбище и погребли отдельно [ПМА 2021: инф. 4]. Исходя же из практики захоронения знатных соплеменников на возвышенностях, прослеживаемой у поволжских тюрок еще со времен Волжской Булгарии [Димитриев, 1993. С. 72], можно предположить, что данный камень относится к могиле какого-то особо почитаемого у проживавших ранее в районе Смолькино татар соплеменника. На камне до настоящего времени сохранился орнамент, содержащий несколько солярных символов; по словам информантов, совсем недавно на нем можно было различить и надпись, которая теперь совершенно стерлась. Информанты указывали, что надпись эта «была сделана на татарском языке», при этом не сообщали, с использованием какого алфавита она была нанесена [ПМА 2021: инф. 3]. Лексема *бабай* заимствована из татарского языка, где она имеет значение ‘дедушка’, ‘почитаемый человек’, ‘старейшина’. В чувашском языке является старинным заимствованием, подверглась фонетической адаптации: так, Н. И. Ашмарин приводит вариацию *nanaj* [rabaj] – ‘старик, дед’ [Ашмарин, 1934, IX. С. 95–96], в некоторых говорах заменяет лексему *асатте*. В смолькинском говоре можно предполагать прямое заимствование из татарского языка. Вторая часть топонима представляет собой лексему *чул* – ‘камень’, с аффиксом принадлежности третьего лица *ё*, который в данном случае соответствует литературно-письменной форме.

Валакла сёл [Valak'la s'o'l] – название родника, расположенного в окрестностях Смолькино, в сторону поселка Гремячий. Как мы уже указывали, лексема *валак* в смолькинском говоре означает ‘корыто’, но в данном случае, вероятно, название происходит от идентичной чувашской лексемы со значением ‘желоб’, *ла* – продуктивный аффикс прилагательного в чувашском языке. Географический термин *çăл* имеет в чувашском языке значения ‘родник’, ‘ключ’, в верхних говорах – ‘колодец’. В смолькинском говоре встречается только в значении ‘родник’. Таким образом, данное название означает родник с корытом, что соответствует характеристикам объекта: по сообщениям наших информантов, он оборудован деревянным корытообразным желобом, по которому стекает вода.

Василей краня [Vas'i'lej 'gran'ä] – название одной из дорог, начинающейся в Смолькино и переходящей в просеку в лесу. Дорога проходит мимо бывшей мельницы, хозяином которой был человек по имени Василий, его именем и названа дорога. Вторая часть названия представляет собой местный географический термин *кран* со значением ‘просека’, оформленный аффиксом принадлежности третьего лица, в соответствии с фонетическими особенностями смолькинского говора.

Вырым кран [Və'rəm kran] – название длинной просеки в лесу, которая связывает село Смолькино с поселком Дружба, основанным выходцами из Смолькино в 1924 г. Название происходит от чувашских лексем: *вӑрӑм* – ‘длинный’ + *кран* – в смолькинском говоре, ‘просека’ = ‘длинная просека’, указывая на ее большую протяженность в сравнении с другими просеками в окрестностях Смолькино.

Иревля хирь [I'r'evl'ä h'ir'] – название урочища, расположенного у бывшего поселка Конопляный, представляющего собой небольшую поляну, куда жители Смолькино часто ходят за ягодами. Со слов информантов, «Там среди леса совсем небольшая поляна, но ее в советское время все равно распахивали, обрабатывали» [ПМА 2021: инф. 4]. Информантам происхождение основы топонима неизвестно. Возможно, оно восходит к чувашской лексеме *иревле* – ‘растапливать’, что могло указывать на то, что на открытом месте снег таял быстрее, чем в лесу. Не менее вероятно происхождение топонима от личного чувашского имени Иревли [Ашмарин, 1929, III. С. 132].

Каргалка [Kar'galka] – река, протекающая через Смолькино, левый приток реки Усы. Нашим информантам происхождение названия реки неизвестно, вероятно, оно относится к субстратному слою местной топонимии, происходящему из татарского языка. Идентичные и подобные потамонимы известны на территориях расселения носителей кыпчакских языков, где чаще всего объясняются от лексемы *карга* – ‘ворона’ [Барашков, 1996. С. 45]. Э. М. Мурзаев приводит встречающуюся в тюркской гидронимии лексему *карга* – ‘мелкое место на реке’, ‘мелководный’ [Мурзаев, 1984. С. 260].

Происхождение названия реки от одной из приведенных выше лексем нельзя полностью исключать, однако тот факт, что Каргалка на некотором участке своего течения, вблизи села, уходит под землю, возникая вновь уже в границах Смолькино, заставляет обратить внимание еще на одну группу потамонимов, с иной этимологией. Так, по мнению А. И. Назарова, в основе названий подобных рек может лежать древнетюркское *каркка* – завал из камней [Назаров, 2014].

В связи с этим надо отметить, что на карте Менде Симбирской губернии 1861 г. название реки этой передано в форме *Кардовка*. По нашему мнению, этот вариант представляет собой буквальный перевод на чувашский язык татарского названия Каргалка, поскольку лексема *карта* в чувашском языке имеет значение ‘заграждение’, что соотносится со значением, предложенным для подобных гидронимов А. И. Назаровым. Такое дублирование названия одного и того же объекта в различных языках признавалось В. Н. Топоровым и О. Н. Трубачёвым одним из главных критериев истинности этимологий в топонимике [Топоров, Трубачёв, 1962].

Кереметь варе [K'əg'e'm'ət' va'r'e] – название оврага, в долине которого располагается поселок Гремячий. Сам Гремячий в смолькинском говоре именуется Кереметь, а официальное название поселка, по мнению информантов, является русской фонетической калькой с чувашского названия. Происхождение топонима обусловлено тем, что в данном овраге до недавнего времени находилось основное место жертвоприношений смолькинских чувашей [ПМА 2021: инф. 4]. Данное расположение Керемети является нестандартным: как правило, они находились к западу от чувашских сёл, а здесь она расположена восточнее Смолькино (сам поселок Гремячий основан в 20-е гг. XX в.). Возможно, такое расположение обусловлено тем, что в окрестностях данного оврага находится несколько особо почитаемых смолькинскими чувашами песчаниковых камней, в том числе *Юбеде чуле*.

Клементи арманя [Kl'em'en't'i arma'n'ä] – название места, где располагалась мельница человека по имени Клементий. Происходит от чувашского *арман* – ‘мельница’ + смолькинский вариант чувашского аффикса принадлежности.

Клементи певе [Kl'em'en't'i p'e'v'e] – название одного из прудов в Смолькино. Как и рассмотренный выше топоним, восходит к имени хозяина мельницы Клементия. Географический термин *пёве* – ‘пруд’ встречается в абсолютном большинстве чувашских говоров Самарского Поволжья и почти всегда топогенетичен в них. В смолькинском говоре он также употребляется в значении ‘озеро’.

Мокше сирми [mokšə z'ir'm'i] – название небольшой реки, протекающей через село Смолькино, притока Каргалки. В 1969 г. название зафиксировано членами комплексной экспедиции в форме *Майшй сырми*, сам объект обозначен как балка [Долгова, 2004], наши информанты характеризовали данный объект как ручей [ПИМА 2021: инф. 4]. Этноним *мокше* в смолькинском говоре распространяется на всю мордву – как на собственно мокшу, так и на эрзю. Эрзянское население сел Алёшкино и Ерёмкино, в соответствии с этим, также именуется здесь *мокше*, что нередко приводило к тому, что жителей данных сел в ряде краеведческих работ ошибочно причисляли к мордве-мокше. Наши информанты предполагали, что, возможно, по берегам данной реки в прошлом могли проживать эрзяне, выходцы из Алёшкино и Ерёмкино, но точными сведениями на этот счет они не располагали. Косвенно данное предположение могут подтверждать хозяйственные постройки особого типа – саманные кладовые, сложенные из особого вида кирпичей из глины и соломы, называемых здесь ломпачами, которые повсеместно встречаются в Алёшкино и Ерёмкино, а в Смолькино фиксируются лишь напротив отдельных домов, расположенных по берегам *Мокше сирми*.

Мокше тиги [mokšə d'i'g'i] – поле между чувашским селом Смолькино и эрзянскими селами Алёшкино и Ерёмкино, хозяйственная принадлежность которого долгое время оставалась спорной. По объяснениям информантов: «Борьба там была с мордвой. Может быть, даже воевали из-за него. Тиги – это вот означает то, что боролись. А по-русски это название и не переведется, наверное» [ПИМА 2021: инф. 4]. Нам представляется, что элемент *тиги* в составе данного топонима – это адаптированная русская лексема *тяглое* – спорное, оспариваемое в борьбе. В топонимии Самарского Поволжья имеются примеры фиксации данной лексемы в составе названий именно таких объектов: так, известно Тяглое озеро на территории Пестравского района Самарской области, получившее свое название из-за того, что за обладание им долгое время боролись поселившиеся здесь первыми тамбовские крестьяне и пришедшие в эти места в 1792 г. балашовские молокане. В конце XIX – начале XX в., когда ожесточенная борьба за поле *Мокше тиги* ушла в прошлое, здесь, по традиции, проводились кулачные бои между мордовской и чувашской молодежью.

Нашла вар [Na'sla var] – название оврага в окрестностях Смолькино. Что означает основа топонима *нашла* информантам неизвестно. В данном случае, вероятно, что она происходит не из чувашского языка, поскольку подавляющее большинство слов на инициальный [н] в чувашском языке являются заимствованными [Левитская, 2014. С. 218], исключение могут составлять лишь звукоподражания. Возможно, происходит от чувашского *наш* – ‘тяжело дышать’, ‘шмыгать носом’, что, в свою очередь, могло лечь в основу прозвища человека.

Озза [Oz'za] – название реки Усы в смолькинском говоре. Литературно-письменная форма потапонима – *Аса*, которая в чувашском языке никак не этимологизируется. Наши информанты также не приводили никаких версий происхождения названия реки, отсутствуют в Смолькино и обычные в таких случаях топонимические предания. Гидронимная основа *ус* широко распространена как в Европейской России, так и на Урале, встречается она также в Сибири (Усьва – в Пермском крае; Усва – приток Печоры; Усья – в бассейне Тавды; Ус – правый приток Енисея). По-видимому, нет оснований приписывать всем указанным примерам общее происхождение.

Гидронимы с основой *ус* формируют несколько компактных ареалов на территории Евразии. Объединяет данные группы одно – там, где они выявлены, рассматриваемая осно-

ва не этимологизируется из языков современного населения [Кривощёкова-Гантман, 1956], за исключением, пожалуй, тех, для которых можно предполагать монгольское происхождение (от монгольского *ус* ‘вода’) [Туркин, 1986. С. 112].

Таким образом, для топонимического пространства Смолькино потамоним Уса является субстратом высшего порядка.

Озза нуся [Oz'za bu'z'ä] – чувашское название села Смолькино, его перевод на русский язык означает Усинские Вершины. Название отражает положение села – в верховьях реки Усы, исток которой находится в двух километрах южнее Смолькино. Имеются многочисленные параллели в чувашской ойконимии, сравните: посёлок Сирмабусь в Похвистневском районе Самарской области; ныне исчезнувшее чувашско-мордовское село Ширяевские Вершины (русская калька с несохранившегося чувашского названия) на Самарской Луке; Чаллапус – чувашское название райцентра Челно-Вершины; Тарканпус – чувашское название села Большая Тархановка Шенталинского района.

Поварный вар [Pova'rnj var] – название оврага и родника в нем. Информанты происхождения топонима объяснить не смогли: «Почему Поварный – мы тоже не знаем, тут же еще татары жили, может быть, это татарское название» [ПМА 2021: инф. 4]. В. Ф. Барашков название оврага Повар в Брусянском участке Самарской Луки склонен этимологизировать от чувашской лексемы *вар* – ‘овраг’, с русской приставкой *по*. По его мнению, это свидетельствовало о том, что овраг идет «по низменной местности, по долине» [Барашков, 1996]. Кроме того, следует отметить, что подобное название относительно часто встречается у родников: у села Черемышево Петречинского района Республики Татарстан известен родник с названием Поварня; родник Поварня у села Николаевка Дубенского района Республики Мордовия. Многочисленны подобные названия на территории Республики Мордовия: Повар лей, Поварнолай, Поварня, Поварня лей. Д. В. Цыганкин [Цыганкин, 2005. С. 276] объясняет их различно – от прозвища Повар, от искаженного русского пивоварня – поварня (проводились ритуальные действия, в ходе которых варили пиво) в случае Поварня лей. В рассматриваемом случае представляется вероятным, что данное название может происходить из русского языка и связываться со смолловаренным промыслом. Кроме того, в некоторых чувашских говорах отмечается лексема *павар* – ‘временная (летняя) кухня в местах сезонных работ’ [Егоров, 1964. С. 141], которая также может лежать в основе данного названия.

Поп сярня [Pop s'ä'ran'ä] – название поля в окрестностях Смолькино. Информанты характеризовали его так: «Поп сярня – это известное у нас место. В советское время были там огороды – капусту сажали, а также бахчи. Раньше оно попу принадлежало, хотя церкви у нас не было. Церковь была в соседнем селе (Церковь, к которой были приписаны смолькинские чуваша, находилась в Ерёмкино. – Н. Б.). Сярня – поле. Именно около этого поля есть захоронение татарское, на его окраине» [ПМА 2021: инф. 4]. Здесь надо отметить, что название Попов луг закреплено за полем, начинающемся у церкви Николая Чудотворца в селе Ерёмкино [ПМА 2021: инф. 6]. Возможно, в прошлом священнослужителю принадлежал крупный участок земли, начинающийся от села Ерёмкино и простирающийся до Смолькино, впоследствии разделенный разросшимся лесом. Название же за ними закрепилось старое. *Поп* в данном названии – заимствование из русского языка, географическая лексема *саран* в литературно-письменном чувашском языке имеет значения ‘луг’, ‘суходол’. Как правило, так обозначаются незаливаемые в половодья луга, в противоположность заливаемым, называемым *улях*. Н. И. Ашмарин отмечает, что в ряде говоров лексемой *саран* могут обозначаться также части заливаемых лугов, и приводит еще одно значение: *саран* – ‘луг, покрытый нескошенной травой или неубранной (сеном)’ [Ашмарин, 1937, XII. С. 61–62].

Серемле нуленьке [S'er'em'le p'ul'en'k'e] – название небольшой поляны в окрестностях Смолькино. По объяснению наших информантов: от чувашских лексем *серем* – ‘чернозём’, ‘целина’ (литературно-письменные значения ‘дёрн’, ‘мелкая трава’); *нуленьке* – поляна, отсюда значение: ‘участок необработанной земли на краю поля’ [ПМА 2021: инф. 4]. К этимоло-

гии последней лексемы, по-видимому, можно привлечь чувашское диалектное *пелем* – ‘луг’ [Левитская, 2014. С. 220], поскольку чередование согласных [н/м] в конце слова характерно для целого ряда говоров современного чувашского языка (в смолькинском говоре, учитывая историю его носителей, нельзя исключать также влияние татарского *болын* – ‘луг’).

Ситял сирми [s'it'äl s'ir'm'i] – название реки, берущей начало от семи родниковых ключей в лесу, вода из которых сливается в единый поток, впадающий в реку Каргалку. Наши информанты переводили это название на русский язык как Семиключье. В основе топонима лежат чувашские лексемы *сиччĕли* – ‘закрывающий в себе семь единиц’, и *сырма* – ‘речка’. Таким образом, название определяет данный объект как реку, возникшую из семи источников, что соответствует ее характеристикам.

Сёмрать кеберь [S'om'rat' k'e'b'er'] – урочище в лесу, в окрестностях Смолькино. Сломанный мост, с литературно-письменного: *сёмрĕк кĕпер* – ‘разбитый мост’. В составе топонима отмечается глагольная основа *сёмĕр* – ‘ломать’ + аффикс *ат/ет* со значением нового качества, таким образом: *сёмĕрет* – ‘сломанный’ + *кĕпер* – ‘мост’ = ‘сломанный мост’. Название объясняется тем, что когда-то через один из оврагов в данном урочище был сооружен деревянный мост, который впоследствии обветшал и разрушился.

Сюльди кас [S'ul'd'i 'gas] – название части села Смолькино, в переводе информантов – Верхняя сторона. В основе названия лежат чувашские лексемы: *сүлти* – ‘верхний’ и *кас* (вариация *касă*) – ‘улица’, ‘выселок’ [ПМА 2021: инф. 3].

Сюльди хир [S'ul'd'i h'ir'] – название поля, расположенного на окраине Смолькино, на склоне горы, за кладбищем. Информанты переводили название как *Верхнее поле*. В основе названия чувашские лексемы *сүлти* – ‘верхний’ и *хир* – ‘поле’.

Торна журя [Tor'na 'žur'ä] – название болота, расположенного у урочища Конопляный (бывший поселок, ныне покинут всеми жителями), в двух километрах к югу от Смолькино. Информанты перевели название как Журавлиное болото, хотя смолькинскими чувашами объект воспринимается, скорее, как озеро. Во время Великой Отечественной войны там добывался торф для нужд госпиталей. В основе топонима чувашские лексемы *тăрна* ‘журавль’ и *шур* ‘болото’.

Удюсель [Ud'u's'el'] – название родника в окрестностях Смолькино, у поляны Серемле пуленьке. Со слов информантов, «Из этого родника течет зеленая вода. Почему так назван – может быть, от имени женщины» [ПМА 2021: инф. 4]. В основе названия лежит антропоним – Удюсь, аффикс топонима представляет собой чувашскую географическую лексему *сăл* – ‘ключ’, ‘родник’. Близкие по форме к имени Удюсь антропонимы приведены В. К. Магницким в списке чувашских традиционных имен [Магницкий, 1905. С. 90]. Таким образом, название переводится как *Удюсев родник*.

Хуран хысь [H'urən hys'] – название поля в окрестностях села Смолькино. Со слов информантов, «В этом названии хуран – береза, что такое хысь – не знаем» [ПМА 2021: инф. 4]. В чувашских топонимах элемент *хыс* встречается достаточно часто. Как мы полагаем, в данном случае он имеет значение ‘задняя часть чего-либо’, ‘пространство за чем-либо’. В данном случае: поле, находящееся за березняком.

Чул лаша [Čul la'ža] – название одного из валунов песчаника, имеющего характерную форму окаменевшей лошади, в связи с чем игравшего важную роль в обрядовой культуре смолькинских чувашей. В основе названия лежат чувашские лексемы: *чул* – ‘камень’, ‘каменный’ и *лаша* – ‘лошадь’, ‘конь’. В ряде источников сообщается и личное имя каменного коня – *Смеле* (по-видимому, от *сăмăл* – ‘ловкий’, ‘проворный’) [Журлова, 2004], наши информанты его, впрочем, не упоминали. Когда дождей долго не было, ходили к этому камню совершать *сяумар дюк* (*сумăр чўк* – моление о дожде), в ходе которого умывали камень святой водой, приносили к нему в качестве жертвы лук и яйца, которые обязательно должны были быть свежими. В 2008 г., на волне интереса, подогреваемого репортажами местного телевидения, камень был вывезен с поляны неизвестными. Со слов информантов, «Место это так и считается святым

(после кражи). Украли какие-то сектанты, милиция приезжала – ничего не нашли. Говорят, стоит теперь у какого-то богатого человека в Сызрани на участке» [ПМА 2021: инф. 4].

Чул сырт [Šul 'zyrt] – название горы к северу от Смолькино, вершина которой характеризуется значительными каменными обнажениями. В составе топонима чувашские лексемы: *чул* – ‘камень’, ‘каменный’ + *сърт* – ‘холм’, ‘возвышенность’ (в смолькинском говоре – ‘гора’).

Шаба кас [Šaba'gas] – название приречной части Смолькино. Происходит от чувашских лексем: *шапа* – ‘лягушка’ + *кас, касă* – ‘улица’, ‘выселок’, ‘часть деревни’. Здесь следует отметить, что водные объекты и примыкающие к ним участки часто в чувашских говорах региона обозначаются топонимами, в составе которых выделяется зооним *шапа*, сравните: Шаба кассы в Среднем Аверкино [ПМА 2021: инф. 2], Шаба куль в Никольском [ПМА 2021: инф. 5].

Шура пуся [Šu'ra buzä] – располагавшееся раньше в начале села Смолькино (на въезде с южной стороны) болото. Информанты путались в переводе названия: Светлое болото или Начало села. По-видимому, причина подобных разночтений в том, что данное название объединило в себе приведенные выше: *шурă* – ‘белый’, ‘светлый’ и *пуç* – ‘начало’, кроме того, могло сыграть роль и некоторое созвучие лексем *шурă* и *шур*. Вероятно, вследствие того, что объект исчез, постепенно стало забываться и его название.

Юбеде чуле [Jub'ej'de t'äu'l'e] – один из фигурных останцев песчаника, пользующийся у смолькинских чувашей особым почитанием. Располагается недалеко от урочища Кереметь (Гремячий). Название происходит от чувашских лексем: *унăте* – ‘обезьяна’, ‘грязнуля’, ‘кривляка’ + *чул* – ‘камень’, ‘каменный’. Данный камень действительно в некоторых ракурсах напоминает человекообразную фигуру, которая сидит, поджав колени к груди и уткнув в них лицо. Здесь следует отметить, что лексема *унăте* имеет у чувашей также мифологический смысл, ей обозначается зловредное и уродливое лесное существо, похожее на обезьяну. Его чувашки всегда четко отличают от лешего – *арсури*. Н. И. Ашмарин указывает, что лексема *унăте* может иметь и бранное значение, кроме того, так называют неряшливых женщин [Ашмарин 1929, III. С. 254]. В настоящее время данное слово как нарицательное в смолькинском говоре не бытует, информанты воспринимают его как собственное имя соответствующего «идола» [ПМА 2021: инф. 3].

Заключение

Проведенное исследование топонимического пространства села Смолькино показало, что большинство географических названий в нем происходит из чувашского языка, причем в них хорошо отображаются характерные особенности смолькинского говора. Также надо отметить сравнительно небольшое количество русизмов в смолькинских топонимах: большинство из них являются элементами заимствованной из русского языка и адаптированной в чувашском языке лексики. Полностью русских названий немного – Смолькино, Гремячий – и все они имеют параллельные чувашские названия. В подавляющем большинстве топонимических пространств чувашских сел Самарского Поволжья количество русских названий существенно выше. Субстратный пласт исследуемого топонимического пространства представлен названиями, происходящими из татарского языка, к таковым относится потамоним Каргалка. Наши информанты склонны считать татарскими все топонимы, происхождение и значение которых им неизвестны, среди них: Алямай сэрдя, Нашла вар, Поварный вар. При этом нельзя исключать, что по крайней мере некоторые основы таких названий происходят из эрзянского и русского языков. Кроме того, в исследуемом топонимическом пространстве имеется один субстрат высшего порядка – потамоним Уса (Ăса – [Oz'za]).

В топонимии Смолькино также нашли отражение тесные межэтнические отношения с мордвой соседних сел Алёшкино и Ерёмкино, в таких названиях, как: Мокше сирми, Мокше тиги.

В заключение отметим, что значительная часть названий улиц, записанных в Смолькино участниками комплексной экспедиции 1969 г., нами не зафиксирована, среди них: Вăта кас, Çурт хушши, Яппун касси. Среди названий, записанных в 1969 г. и известных нашим

информантам: Анат кас и Ҫулти кас, название Шапа касси, зафиксированное нами в форме Шапа кас, чувашская форма ойконима Киремет для поселка Гремячий, а также потамоним Аса и Мăкшă сьрми, обозначенное как «название балки». По-видимому, это свидетельствует о том, что в настоящее время многие чувашские названия улиц в смолькинском говоре уже вытеснены русскими, кроме того, некоторые части села могли с 1969 г. исчезнуть, поскольку население Смолькино за прошедший период сократилось с 500 до 133 человек, вследствие чего стерлись в народной памяти и названия.

Полевой материал автора

- ПМА 2017: инф. 1 – Татьяна Фёдоровна Мещанова, 1950 г. р. Запись в с. Старое Вечканово (Иса克林ский район, Самарская область), 2017 г.
- ПМА 2019: инф. 2 – Мария Степанова, 1996 г. р. Запись в с. Среднее Аверкино (Похвистневский район, Самарская область), 2019 г.
- ПМА 2021: инф. 3 – Михаил Тихонов, 1965 г. р. Запись в с. Смолькино (Сызранский район, Самарская область), 2021 г.
- ПМА 2021: инф. 4 – Зинаида Ивановна Молькова, 1956 г. р. Запись в с. Смолькино (Сызранский район, Самарская область), 2021 г.
- ПМА 2021: инф. 5 – Ольга Владимировна Сахтёрова, 1971 г. р. Запись в с. Никольское (Безенчукский район, Самарская область), 2021 г.
- ПМА 2021: инф. 6 – Юрий Дунаев, 1988 г. р. Запись в с. Ерёмкино (Теренгульский район, Ульяновская область), 2021 г.

Источники

Карта 1861 – Топографическая межевая карта Симбирской губернии. А. И. Менде. 1859–1861 гг. ЦГАСО – Ф. 32. Оп. 38. Д. 1655. – Метрическая книга Преображенской церкви села Новый Тукшум 1914 г.

Список литературы

- Ашмарин Н. И.** Словарь чувашского языка в 17 томах. Казань; Чебоксары: Изд. Наркомата по просвещ. ЧАССР, 1928–1950: Т. 1. – 1928; Т. 2. – 1929; Т. 3. – 1929; Т. 4. – 1929; Т. 5. – 1930; Т. 6. – 1934; Т. 7. – 1934; Т. 8. – 1935; Т. 9. – 1935; Т. 10. – 1936; Т. 11. – 1936; Т. 12. – 1937; Т. 13. – 1937; Т. 14. – 1937; Т. 15. – 1938; Т. 16. – 1941; Т. 17. – 1950.
- Барашков В. Ф., Дубман Э. Л., Смирнов Ю. Н.** Самарская топонимика. Самара: СамГУ, 1996. 192 с.
- Беленов Н. В.** Географическая лексика и топонимия старошенталинского говора эрзя-мордовского языка // Вестник НГУ. 2021. № 1. С. 67–80.
- Беленов Н. В.** Лексико-семантический анализ топонимии чувашского села Большое Алдаркино Борского района Самарской области и его окрестностей // Oriental Studies. 2021. № 14(3). С. 595–605.
- Димитриев В. Д.** Чувашские исторические предания. Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 1993. 446 с.
- Долгова А. П.** Об особенностях говора чувашей Самарской Луки // Чуваши Самарской Луки. Чебоксары: ЧГИГН, 2003. С. 68–89
- Долгова А. П., Иванов Г. Н., Кондратьев М. Г., Матвеев Г. Б., Фокин П. П.** Симбирско-саратовские чуваша. Чебоксары: ЧГИГН, 2004. 274 с.
- Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 677 с.

- Егоров В. Г.** Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 1964. 356 с.
- Журлова Г. Г.** Но прошлое в нас не уснуло... Из истории села Старая Рачейка. Сызрань: Сызранское полиграфобъединение, 2004. 276 с.
- Исаев Ю. Н.** Чувашская энциклопедия. Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 2006. 797 с.
- Криволицкая Л. К.** По Куйбышевской области. По родным просторам. М.: Физкультура и спорт, 1987. 176 с.
- Кривощёкова-Гантман А. С.** Географические названия Верхнего Прикамья. Пермь: Кн. изд-во, 1983. 175 с.
- Левитская Л. С.** Историческая фонетика чувашского языка. Чебоксары: ЧГИГН, 2014. 319 с.
- Магницкий В. К.** Чувашские языческие имена. Казань: Тип. Казанского ун-та, 1905. 101 с.
- Мудрак О. А.** Заметки о языке и культуре дунайских булгар // Тр. Ин-та восточных культур и античности. VI. 2005. С. 83–107.
- Мудрак О. А., Хисамитдинова Ф. Г.** Кыпчакские языки Урало-Поволжья. Астана: Гылым баспасы, 2017. 164 с.
- Мурзаев Э. М.** Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984. 653 с.
- Назаров А. И.** Краткий топонимический словарь Северного Тянь-Шаня. Алматы: Дайк-пресс, 2014. 112 с.
- Сергеев Л. П.** Диалектная система чувашского языка. Чебоксары: ЧГПУ, 2007. 428 с.
- Сергеев Л. П.** Из наблюдений над говорами саратовских и пензенских чувашей // Мат. по чувашской диалектологии. Вып. 3. Чебоксары: Чувашское гос. изд-во, 1969. С. 59–112.
- Симаков В. Е.** Энциклопедия чувашских сел Самарской области. Самара: НТЦ, 2008. 404 с.
- Топоров В. Н., Трубачёв О. Н.** Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М.: АН СССР, 1962. 271 с.
- Туркин А. И.** Топонимический словарь Коми АССР. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1986. 140 с.
- Федотов М. Р.** Этимологический словарь чувашского языка в 2 т. Чебоксары: ЧГИГН, 1996. 470 + 509 с.
- Цыганкин Д. В.** Грамматические категории имени существительного в диалектах эрзя-мордовского языка (определенности-неопределенности и притяжательности). Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1978. 72 с.
- Ягафова Е. А.** Самарские чуваша. Самара: ИЭКА Поволжье, 1998. 368 с.
- Ягафова Е. А.** Календарные обрядовые традиции самаролукских чувашей. Чебоксары: ЧГИГН, 2003. С. 115–135.

References

- Ashmarin N. I.** Dictionary of the Chuvash language. Kazan'; Cheboksary, Izd. Narkomata po prosveshh. ChASSR, 1928–1950: Vol. 1. – 1928; Vol. 2. – 1929; Vol. 3. – 1929; Vol. 4. – 1929; Vol. 5. – 1930; Vol. 6. – 1934; Vol. 7. – 1934; Vol. 8. – 1935; Vol. 9. – 1935; Vol. 10. – 1936; Vol. 11. – 1936; Vol. 12. – 1937; Vol. 13. – 1937; Vol. 14. – 1937; Vol. 15. – 1938; Vol. 16. – 1941; Vol. 17. – 1950. (In Russ.)
- Barashkov V. F., Dubman Je. L., Smirnov Ju. N.** Toponymy of Samara region. Samara, SamGU, 1996, 192 p. (In Russ.)
- Belenov N. V.** Geographical lexicon and toponymy of the Staroshentalin dialect of the Erzya-Mordovian language. *Vestnik of NSU*. 2021, № 1, pp. 67–80. (In Russ.)
- Belenov N. V.** Lexico-semantic analysis of the toponymy of the Chuvash village of Bolshoe Aldarkino in the Borsky district of the Samara region and its environs. *Oriental Studies*, 2021, № 14(3), pp. 595–605. (In Russ.)
- Dimitriev V. D.** Chuvash historical traditions. Cheboksary, Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1993, 446 p. (In Russ.)

- Dolgova A. P.** On the peculiarities of the dialect of the Chuvash of Samara Luka // Chuvash of Samara Luka. Cheboksary, ChGIGN, 2003, pp. 68–89. (In Russ.)
- Dolgova A. P., Ivanov G. N., Kondrat'ev M. G., Matveev G. B., Fokin P. P.** Chuvash of Uljanovsk region and of Saratov region. Cheboksary, ChGIGN, 2004, 274 p. (In Russ.)
- Drevnetjurkskij slovar' 1969 – Ancient Turkic dictionary. Leningrad, Nauka, 1969, 677 p. (In Russ.)
- Egorov V. G.** Etymological dictionary of the Chuvash language. Cheboksary, Chuvashskoe kn. izd-vo, 1964, 356 p. (In Russ.)
- Zhurlova G. G.** But the past has not fallen asleep in us... From the history of the village of Staraya Racheyka. Syzran', Syzranskoe poligrafobjedinenie publ., 2004. 276 s. (In Russ.)
- Isaev Ju. N.** The Chuvash Encyclopedia. Cheboksary, Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2006, 797 p. (In Russ.)
- Krivoluckaja L. K.** In the Kuibyshev region. Across the native expanses. Moscow, Fizkul'tura i sport, 1987, 176 p. (In Russ.)
- Krivoshhokova–Gantman A. S.** Geographical names of the Upper Kama region. Perm', Knizhnoe izdatel'stvo, 1983, 175 p. (In Russ.)
- Levitskaja L. S.** Historical phonetics of the Chuvash language. Cheboksary, ChGIGN, 2014, 319 p. (In Russ.)
- Magnickij V. K.** Chuvash pagan names. Kazan', Tip. Kazanskogo un-ta, 1905, 101 p. (In Russ.)
- Mudrak O. A.** Notes on the language and culture of the Danube Bulgars. *Trudy Instituta vostochnyh kul'tur i antichnosti*, 2005, vol. VI, pp. 83–107. (In Russ.)
- Mudrak O. A., Hisamitdinova F. G.** Kipchak languages of the Ural-Volga region. Astana, Gylymbaspasy, 2017, 164 p. (In Russ.)
- Murzaev Je. M.** Dictionary of national geographical terms. Moscow, Mysl' publ., 1984, 653 p. (In Russ.)
- Nazarov A. I.** A short toponymic dictionary of the Northern Tien Shan. Almaty, Dajk-press, 2014, 112 p. (In Russ.)
- Sergeev L. P.** Dialect system of the Chuvash language. Cheboksary, ChGPU publ., 2007, 428 p. (In Russ.)
- Sergeev L. P.** From observations on the dialects of the Saratov and Penza Chuvash. *Materialy po chuvashskoj dialektologii*. Cheboksary, Chuvashskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1969, iss. 3, pp. 59–112. (In Russ.)
- Simakov V. E.** Encyclopedia of Chuvash villages of the Samara region. Samara, NTC publ., 2008, 404 p. (In Russ.)
- Toporov V. N., Trubachjov O. N.** Linguistic analysis of hydronyms of the Upper Dnieper region. Moscow, AN SSSR publ., 1962, 271 p. (In Russ.)
- Turkin A. I.** Toponymic dictionary of the Komi ASSR. Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1986, 140 p. (In Russ.)
- Fedotov M. R.** Etymological dictionary of the Chuvash language in 2 volumes. Cheboksary, ChGIGN publ., 1996. 470 + 509 p. (In Russ.)
- Tsygankin D. V.** Grammatical categories of the noun in the dialects of the Erzya-Mordovian language (definiteness-uncertainty and possessiveness). Saransk, Izd-vo Mordov. un-ta, 1978, 72 p. (In Russ.)
- Jagafova E. A.** Samara Chuvash people. Samara, IJeKA Povolzh'e, 1998, 368 p. (In Russ.)
- Jagafova E. A.** Calendar ritual traditions of the Chuvash people of Samara Luka. Cheboksary, ChGIGN, 2003, pp. 115-135. (In Russ.)

Информация об авторе

Беленов Николай Валерьевич, кандидат педагогических наук, доцент Самарского государственного социально-педагогического университета

Information about the Author

Nikolay V. Belenov, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russian Federation

*Статья поступила в редакцию 15.06.2023;
одобрена после рецензирования 01.07.2024; принята к публикации 05.07.2024*

*The article was submitted 15.06.2023;
approved after reviewing 01.07.2024; accepted for publication 05.07.2024*